

славного населения, о столкновениях православных с католиками. Было признано необходимым установить двухмесячный срок на «увещание» православных, изъявивших желание перейти в католичество.

Постановления Минского съезда, имевшие просветительский характер, были с одной стороны направлены на защиту населения от полонизации, а с другой – на укрепление православной веры и национального самосознания у «русского» населения края. Минский съезд высказался за запретительные меры в отношении польских обществ «Сокол» и «Освятъ», имевших просветительные и националистические задачи. В то же время с целью просвещения народа и развития его национального самосознания были предложены следующие меры: 1) открывать по городам и селам братские книжные склады, библиотеки и читальни; 2) систематически проводить народные чтения, сопровождаемые хоровым пением и показом световых картин (слайдов); 3) развивать паломничества с целью ознакомления и сближения населения разных местностей края; 4) организовывать массовые паломнические путешествия к чтимым святыням края; 5) распространять народные картины, открытки и изображения чтимых местных святынь, а также картины «местного исторического и религиозного содержания».

Придавалось большое значение издательской деятельности братств. Признано было необходимым осуществлять постоянный обмен братскими изданиями. При этом братские союзы должны были участвовать не только в распространении, но и в материальной поддержке печатных материалов. Минский съезд предложил образовать при центральных епархиальных губернских братских объединениях издательские комитеты. На них планировалось возложить сбор сведений о литературе, которая могла бы использоваться для борьбы с католичеством и просвещения народа. Были также выработаны предложения по улучшению материального положения братских организаций с целью активизации их издательской и просветительской работы.

Таким образом, на Минском съезде были приняты постановления, охватившие обширный круг деятельности братств и самые разнообразные стороны общественной жизни Беларуси.

ПЕРЕХОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ К НОВОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В КОНЦЕ 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОМЕЛЬЩИНЫ)

Н. А. Головки

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Беларусь

Подводя итоги антирелигиозной работы, Советская власть начинает понимать, что не было достигнуто ожидаемых результатов. К 1928 г. возникла ситуация, когда, с одной стороны, резкая идеологическая атака оказалась малоэффективной, с другой, неприменение быстрых мер противодействия внешним и внутренним антисоветским силам могло привести к изменению политического руководства страны. Накопленный к 1928 г. опыт антирелигиозной работы свидетельствовал, что эффективным может стать только жесткий, репрессивный метод. Особенно он начинает проявляться в 1929 г. с началом коллективизации. Начинаются репрессии относительно крестьян, оказывающих сопротивление. Церковь тоже не избежала очередных репрессий. Все религиозные организации начинают причислять к контрреволюционной силе.

Заслушав очередной доклад о положении и задачах антирелигиозной работы в БССР в 1929 г., Секретариат ЦК КП(б)Б отмечал, что «антирелигиозная работа имела ослабление в таких центрах как Минск, Витебск, Гомель, проводилась она в виде кампаний, бессистемно, от случая к случаю, без необходимого учета обстоятельств и настроения масс... Союз Безбожников волочит жалкое существование, организационно

не окреп и массовой организацией еще не является... Актив безбожников не усчитан и работа с ними почти никакая не ведется. Религиозные организации (особенно католические и сектантские) усилили свою работу, успели во многих местах окрепнуть, усилить свое влияние, иногда очень активно использовать наши методы работы и наши трудности по социалистическому строительству. Ослаблению антирелигиозной работы способствовали: слабость партийного руководства, недооценка и игнорирование задач по борьбе на антирелигиозном фронте, недостаточность квалифицированных пропагандистов антирелигиозников» [1, с. 126]. С этих причин Секретариат ЦК КП(б)Б считал религиозную работу неудовлетворительной и признал необходимым проводить следующие мероприятия: «усилить партруководство союзам Безбожников, втягивать в союз Безбожников как можно больше рабочих и работниц с предприятий. В школах, детдомах, детсадах вместо безрелигиозного воспитания обеспечить боевое антирелигиозное воспитание. Во всех крупных промышленных и культурных центрах организовать антирелигиозные музеи, кабинеты и выставки. Организовать в Минске центральный антирелигиозный музей. Поставить задачу перед Белгоскино об создании антирелигиозного фильма на местном материале, в репертуар Гостеатра внести пьесы с антирелигиозным содержанием...» [1, с. 126].

При подготовке очередной антипасхальной кампании в 1929 г. в деревнях предлагалось взять курс на замену празднования Пасхи на дни урожая, день кооперации, на предприятиях добивались запрещения выдачи предпраздничных авансов, стремились также запретить продажу спиртных напитков в дни религиозных праздников [2, с. 137]. В тезисах для антипасхальных докладов за 1928–1929 гг. говорилось о том, что «Пасха является язвой в нашем быту. Борьба за новый и трезвый быт есть борьба за социалистическое строительство. Религиозные праздники и особенно Пасха, как показывает статистика, несут особое пьянство, членовредительство, разврат, результатом праздничного веселья всегда являются в последующие дни прогулы и падение трудовой дисциплины на предприятиях. Так религиозные праздники причиняют миллионные убытки нашей промышленности. В прошедшую Пасху 1928 г. было выпито только в Москве 1800000 бутылок водки и других одурманивающих напитков – целое море, в котором можно утопить тысячи культурных начинаний, сотни школ и ликпунктов» [3, л. 11]. Таким образом, Советская власть идеологически пыталась «очернить» религию, сделать ее виновницей пьянства и других грехов.

Особое внимание уделялось школе, учителей заставляли проводить антирелигиозные вечера с учениками, родителями. Добиваться, чтобы дети имели влияние на родителей, следить за тем, чтобы все дети посещали школу в дни религиозных праздников. Для строительства социализма нужны были новые революционные праздники, новые бытовые формы, помогающие строить социализм, возникающие в борьбе с пролетарским миром. «Борьба рабочего класса за свое освобождение ломает устои старого быта, беспощадно разоблачают его классовую сущность, срывают маску довольства и благополучия... Клубный быт постепенно становится необходимой составной частью в жизни рабочих масс. Физкультура, театр, музей, кино, научная лекция – постепенно завоевывают и должны завоевывать принадлежащее им по праву место в жизни каждого рабочего» [3, л. 12]. Таким образом, получается, что создавалась новая партийная религия, у которой были свои «Боги», своя «религиозная атрибутика», свои «молитвы» и свои «святые мощи».

Жительница Минска вспоминала: «Там где построен Дом правительства, раньше была вокзальная церковь. Красивая. Я помню, как комсомольцы вели антирелигиозную пропаганду. На грузовых машинах они раскладывали огни и палили чучела попов. И получилась не антирелигиозная, а религиозная пропаганда. Заживо сгорел один комсо-

молец. На нем загорелась одежда, и его не смогли спасти, на нем все запылало. Я это видела. Было все возле церкви» [4, с. 48].

Естественно, одной идеологической работой все не ограничивалось. Стране нужны были деньги; запуганное население, покорные «двигатели» коллективизации и индустриализации. Началось массовое закрытие церквей, монастырей, аресты священнослужителей. Закрытые храмы использовались под производственные цеха, склады, квартиры и клубы, а монастыри – под тюрьмы и колонии. Многие храмы уничтожались, разрушались православные святыни русского народа. Закрытие храмов и уничтожение святынь сопровождалось арестами священнослужителей, их высылками и ссылками, отправлением в места заключения.

Репрессии, закрытие монастырей, усиление идеологической пропаганды показывало не силу, а слабость Советской власти в конце 20-х гг. Это свидетельствовало о том, что антирелигиозная работа, проводимая на протяжении всех 20-х гг., не имела успехов. Причисление религиозных деятелей к контрреволюции также не имело успеха, т. к. в основном население оказывало сопротивление при закрытии храмов, а не священнослужители. Советская власть все же добилась определенных успехов в частности в том, что количество действующих монастырей, церквей уменьшилось. Но количество верующих оставалось гораздо большим, чем требовалось для успешного завершения культурной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переписка и директивы ЦК КПБ об антирелигиозной кампании 1929 г., Мозырский ОК КПБ // Гос. арх. обществ. об-ний Гомел. обл. (ГАООГО). – Фонд 69. – Оп. 2. – Д. 572. – Л. 126.
2. 3 матар'яламі АПА Нараулянскага РК КП(Б) 1929 г. // ГАООГО. – Фонд 4286. – Оп. 1а. – Д. 95. – Л. 137.
3. Тезисы для антипасхальных докладов // ГАООГО. – Фонд 72. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 9–14.
4. Шиленок, Д. Из истории православной церкви в Белоруссии (1922–1939) («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / Д. Шиленок. – М. : Крутиц. патриаршее подворье, Об-во любителей церков. истории, 2006. – 224 с.

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО: МЕНТАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДЕ К ПРОБЛЕМЕ

И. А. Грищенко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Когда речь заходит об историческом христианстве, трудно избежать двух соблазнов: оправдать негативные явления в истории церкви делами веры и объяснять все процессы в развитии церкви исключительно политическими мотивами.

Ни одна сфера деятельности церкви не подвергалась большим нападкам и критике как деятельность политическая (государственная). Сама церковь пострадала в этой сфере более всего.

Проблема взаимоотношения церкви и государства – это проблема исторического христианства, т. е. вписывания христианского учения в историческую канву. Трудность заключается в том, что христианство свою цель мыслит надисторически, но действует в условиях временного бытия, христианство и исторично и внеисторично одновременно. Болезни исторической церкви часто были причинами отхода от христианства и религии вообще. И самыми болезненными обвинениями в адрес церкви звучали обвинения в подчиненности церкви государству или претензии церкви на светскую власть.

Жить и действовать вне соприкосновения с государством, вне отношений к политической власти практически невозможно. Исключение составляет только монашество и то с оговорками. Пока христианство в Римской империи было вне закона, церковь не имела каких-либо отношений с властью. Но как только церковь получила от Констан-